

На следующий день после утреннего доклада Цзюй Фу повёл Янь Яня на встречу с Чжао Сяомином.

Хотя они уже виделись во время церемонии восшествия на престол, при повторной встрече с Чжао Сяомином Янь Янь невольно проникся некоторым трепетом. Он и подумать не мог, что Небесный чиновник из числа Трёх чиновника окажется с таким доброжелательным лицом — он-то ожидал увидеть сурового владыку, внушающего страх одним своим видом, а не этого мягкого юношу.

Чжао Сяомин ничуть не усомнился в личности Янь Яня и даже предложил выделить ему для проживания отдельную резиденцию, но Цзюй Фу отказался, сославшись на то, что Янь Янь здесь никого не знает.

У Чжао Сяомина на редкость оказалось прекрасное расположение духа — или, скорее, поистине ангельское терпение к самому Цзюй Фу. Ничуть не выказав недовольства столь прямолинейным отказом, он лишь мягко улыбнулся, и улыбка его стала ещё теплее.

Вернувшись в Резиденцию государственного наставника, Янь Янь заговорил о Чжао Сяомине. Узнав, что все остальные братья и сестры правителя погибли и в живых остался он один, Янь Янь невольно восхитился его стойкостью.

В прочитанных Янь Янем уездных сказаниях и дворцовых хрониках борьба за императорский трон всегда сопровождалась кровопролитием. Поверить в то, что братья и сестры Чжао Сяомина скончались ещё до того, как ему исполнилось одиннадцать лет, было совершенно немыслимо — о подобном он слышал впервые.

Среди всех принцев Чжао Сяомин обладал лишь статусом наследника престола, но по влиянию и поддержке далеко не во всём превосходил остальных княжичей.

После смерти императрицы государь неизменно испытывал перед сыном чувство вины. В конце концов, покойная императрица была его первой законной женой, сопровождавшей его с юных лет, женщиной поистине добродетельной и мудрой. Поэтому к Чжао Сяомину император относился с гораздо большим трепетом и заботой.

Императорский престол достался Чжао Сяомину совершенно законным путём, и никто даже не смел подозревать его в причастности к гибели братьев: все они умерли ещё при жизни прежнего императора, а некоторые даже пали жертвами наёмных убийц во время дворцовых пиров.

К тому времени Чжао Сяомин уже прославился среди простого народа как наследник, обладающий высокими моральными устоями и несметными талантами. Его репутация как при дворе, так и в народе была безупречна, и ему вовсе не нужно было опасаться угроз со стороны других принцев.

Когда Цзюй Фу и Янь Янь удалились, Чжао Сяомин отложил в сторону стопку докладов и тихо произмолвил:

— Человек, о котором уважаемый гость упомянул только что, — и есть тот самый господин Янь?

Его слова еще не затихли, как из-за ширмы кто-то медленно вышел. Лишь когда этот человек шагнул из полумрака к свету, черты его лица наконец проявились чётко.

Его облик был прекрасен, словно картина, в мягком взгляде струился нежный свет, а в паре разительно-прекрасных глаз феникса таилась вечная, увядающая улыбка.

Это был Фань Юйцзи.

На лице Фань Юйцзи играла мягкая улыбка:

— Ваше Величество проницательны. Но меня удивило другое: как вы можете столь безоговорочно доверять государственному наставнику? Неужели лишь потому, что он приходится вам учителем?

Однако официальным наставником Чжао Сяомина Цзюй Фу вовсе не числился — даже если бы дошло до выбора, очередь до него не дошла бы. Чем же тогда объяснялось столь слепое доверие правителя к Цзюй Фу?

— Уважаемый гость переходит границы дозволенного, — лицо Чжао Сяомина не дрогнуло, он лишь молча смотрел на Фань Юйцзи.

Он испокон веков не выносил, когда кто-то лезет в его дела, и терпеть не мог праздное любопытство. Единственным исключением были те случаи, когда это приносило реальную пользу, и в этом отношении Цзюй Фу вёл себя весьма разумно.

— Верно. Не желает ли Ваше Величество, чтобы я отправился разведать их намерения? Или присмотрел за ними? Нанятые вами тайные стражи едва ли смогут за ними уследить — впрочем, те заметили слежку ещё в самом начале.

В конце концов, оба они были Бессмертными, и позволить смертным незаметно следовать за собой означало бы проявить непростительную беспечность. А подобной халатности Янь Янь и его спутники допустить никак не могли.

Чжао Сяомин легко усмехнулся:

— С какой стати? С самого своего появления вы твердите, что государственный наставник приведёт ко мне человека, но до сих пор не удосужились толком объяснить собственные мотивы. Как вы думаете, с чего бы мне вам верить?

Неужели этот странник всерьёз рассчитывал убедить его парой красивых фраз? За кого он его принимает — за наивного глупого ребёнка? Подобное отношение выглядело слишком уж пренебрежительным.

Фань Юйцзи понимал, что его слова звучали неубедительно, и лишь неторопливо произнёс:

— Верит ли Ваше Величество в богов и Будду?

— Я отроду не верил в богов и Будду. Существой они на самом деле, человек вроде меня давно бы сгинул в пучине бесконечных страданий.

Убийство собственного отца и братьев — поступок несправедливый и бесчестный, однако он всё же воссел на престол.

Фань Юйцзи, разумеется, прекрасно понимал смысл этих слов:

— Богам и Будде нет дела до смены династий — они пекутся лишь о безопасности простых людей по всему миру. Что бы ни думало Ваше Величество, я всего лишь странник, случайно забредший в Государство Юймин.

Чжао Сяомин вновь улыбнулся:

— Вы утверждаете, что отговорки государственного наставника звучат банально, но сами пользуетесь ими весьма искусно. Кто вы такой на самом деле, меня не интересует. Главное, чтобы ваши действия не навредили жителям Государства Юймин — во всём остальном я готов закрыть глаза.

Фань Юйцзи сложил руки перед грудью в почтительном жекте и произнёс:

— Благодарю Ваше Величество. Я непременно позабочусь о том, чтобы избавить вас от любых тревог на этот счёт, Вашему Величеству остаётся лишь спокойно ждать.

— Будем надеяться.

Чжао Сяомин снова взял в руки доклады и больше не обращал на Фань Юйцзи никакого внимания.

Тот не стал навязываться и молча вышел из кабинета правителя.

Государство Юймин не вызывало у него ни малейшего интереса, а дела здешнего двора — тем более. Но поскольку Чжао Сяомин являлся переродившимся Великим Императором Цзывэем, Фань Юйцзи был вынужден проявлять бдительность, дабы не позволить Янь Яню и остальным наломать дров.

Великий Император Цзывэй из числа Трёх чиновников, строго говоря, не был той самой полярной звездой, о которой толковали смертные, однако простому люду свойственно путать эти понятия. К счастью, Великие императоры Трёх чиновников крайне редко покидали Небесный Двор.

Что же касается запутанных уз, случайно связавших Цзюй Фу с Великим Императором Цзывэем, Фань Юйцзи оставалось лишь списать всё на волю Небес. Как бы тщательно император ни избегал встреч с Цзюй Фу, от подобных предначертанных судьбой узлов невозможно скрыться.

Разве не угодил он сейчас в эту ловушку?

Покинув дворец, Фань Юйцзи собирался отыскать Янь Яня, но тут некстати объявился гонец из Восточного Моря. Он сообщил, что Кронпринц Драконов Западного Моря едва не погиб, и лишь вмешательство Бога лета спасло ему жизнь, в связи с чем Король Драконов устроил во Дворце Дракона Западного Моря банкет, куда пригласил всех Четырёх королей драконов и Богов четырёх времен года.

— Обойти вниманием Четыре Символа — еще куда ни шло, но ты-то почему здесь? — стоя у стен Дворца Дракона Западного Моря, озадаченно спросил Фань Юйцзи у стоявшей перед ним молодой девушки.

Кожа незнакомки сияла белизной снега, а платье из прозрачной акульей шелковой ткани подчёркивало её несравненную красоту. Жемчужины в её волосах покачивались в такт каждому движению, и издалека она казалась настоящим духом морских глубин.

Услышав этот исполненный горькой обиды упрёк, девушка моргнула:

— Судя по твоим словам, ты страшно недоволен, что Король Драконов Западного Моря не пригласил Четыре Символа? С чего бы это? Уж не потому ли, что тебе приспичило увидеть того паренька по имени Фань У? Ты же совсем недавно сам возил Четыре Символа к себе на Восточное Море!

Фань Юйцзи улыбнулся и оставил её слова без ответа, вернувшись к своему недавнему вопросу:

— Так ты можешь объяснить, с какой стати Король Драконов Западного Моря созывает пир для владык четырех морей и богов времен года, а здесь ошиваешься ты — бессмертная, которая не относится ни к тем, ни к другим?

— Пусть я не владыка моря и не божество сезона, но всё же близка к ним. Кстати, я-то думала, что ты пришлёшь вместо себя Фань Сунъюаня, ведь на подобные сборища ты обычно не ходишь.

При этих словах девушка с любопытством покосилась на него, заинтересовавшись тем, как ловко он только что увернулся от ответа:

— Ты ведь так и не ответил на мой вопрос. Неужели среди Четырех Символов отыскался кто-то, кто приковал твоё внимание? Четыре Символа — народ постоянный, лиц там немного. Кто же из них удостоился твоей милости?

Заставить Фань Юйцзи проявлять столь пристальный интерес мог лишь человек выдающихся способностей. Однако за всё долгие годы знакомства с ним девушка ни разу не видела, чтобы он выделял кого-то подобным образом.

Фань Юйцзи не собирался ничего скрывать:

— Пожалуй. Как раз ломаю голову над тем, какими путями привлечь его внимание к собственной персоне.

Девушка прищурила свои прекрасные глаза:

— Что ж, тогда я заранее принесу соболезнования тому бедняге, который приглянулся тебе. Ведь попасться тебе на мушку — добрая весть разве что для покойника.

<http://bllate.org/book/21832/2261463>